

Четвертая мечта

Одноактная пьеса в картинках

Действующие лица:

Полина – молодая писательница и поэтесса.

Пожилой писатель.

Продавец книг.

Герой.

Героиня.

Начальник отдела.

Грабитель.

Прохожие.

Действие происходит в нескольких уголках города и помещениях. Во всех случаях обстановку можно показать схематично, несколькими характерными чертами. Например: офис – письменный стол с компьютером, окно, занавешенное белыми жалюзи; квартира Писателя – диван, стол, торшер, узорчатые обои; парк – скамейка, деревья; квартира Полины – зеркало, тумбочка, кровать.

Важная часть декораций – видеозэкран. Он находится по центру сцены, над головами персонажей, но не очень высоко.

Полина – девушка с приятной, но не яркой внешностью, выглядит моложе своих лет. При взгляде на нее должны бы возникать мысли о легком и беззаботном, о молодости и несерьезности. Но ее лицо обладает способностью удивительно меняться: иногда как бы наполняется внутренним светом, иногда мрачнеет. В такие моменты трудно становится судить о ее настоящем возрасте.

Писатель – человек грузноватой комплекции. Но что-то в его движениях, в выражении лица указывает, что он еще не совсем растерял дух молодости. Внешне он старается выглядеть более солидным, чем есть на самом деле.

Офис.

Полина сидит за столом, перед ней включенный компьютер. Но смотрит она не на экран, а поверх него.

Полина (задумчиво). Слова могут создавать новые миры. Значит, в них есть сила? Да, конечно. Но и слабость тоже. Всего лишь буквы, всего лишь звуки. Что же придает силу словам? (Откидывается на стуле так, что тот опасно кренится). Воображение. Воображение создает миры. (С воодушевлением). Да, сначала – только буквы и звуки. А потом вдруг из них складывается то, чего не было прежде. (Возвышает голос). И вот уже видишь все это перед собой! Людей, у каждого из которых свой характер, далекие страны, новые города! (Вскакивает со стула и взбирается на него, со стула делает шаг на стол. «Оживает» экран. На нем – мелькание человеческих лиц, панорамы городов). Человеческие судьбы переплетаются узором. Происходят удивительные истории. И кажется, не надо гнаться за ними, куда-то ехать, что-то искать. Потому что все это уже есть, все – внутри, в воображении... (Протягивает перед собой руки так, как будто держит в них все, о чем говорит, этот воображаемый мир. На экране пейзажи – море, пустыня, горные вершины, в завершении – звездное небо).

Входит начальник отдела. Он смотрит на пустой стул, как бы видя Полину там, а не на столе.

Начальник. Отчет готов?

Экран гаснет. Полина вздрагивает от неожиданности, оступается, падает со стола, тут же поднимается и садится на стул. Для начальника ее падение остается незамеченным – это «падение» мыслей Полины с творческой высоты в рабочую рутину.

Полина. Сдам ч-через полчаса.

Начальник с недовольным видом уходит. Полина несколько секунд растерянно смотрит ему вслед, потом принимается печатать на компьютере. Но вскоре прерывает работу.

Полина (задумчиво). Трудно все время жить на границе. С одной стороны все это (обводит рукой офис), с другой... (Поднимает глаза к экрану, на котором на мгновение опять появляется небо. Когда экран гаснет, Полина снова смотрит перед собой). Балансируешь между тем и другим, как канатоходец на проволоке. Может, лучше, если бы этого (указывает на экран) вовсе не было? Живешь только здесь и сейчас, и никаких противоречий. Но это ведь ужасно скучно (Медлит, с трудом заставляя себя возобновить работу).

Квартира Писателя.

Писатель расхаживает по комнате, заложив за спину руки. За ним, не отставая ни на шаг, следуют Герой и Героиня. Герой одет в абстрактный «средневековый» костюм, который трудно отнести к какой-то конкретной исторической эпохе. На поясе у него болтается длинный меч наподобие самурайского. На Героине – комбинезон из серебристой ткани, застегивающийся спереди на молнию.

Писатель. Я устал. Могу я отдохнуть, в конце концов? Каждая новая книга – это вызов, поединок. Когда обдумываешь сюжет, пишешь главу за главой, чувствуешь себя, как боксер, которому нужно выходить на ринг: первый раунд, второй третий. Имею я право на отдых между раундами? Усталость творит с человеком бог знает что. У меня до того уже дошло – рассказываю в книге о печальных событиях и не могу понять, фантазия это, или дурное предчувствие? Выдумки и действительность путаются в голове.

Герой. Да не нужно ничего трагического! Мне бы просто подходящий мир...

Писатель останавливается так резко, что Герой и Героиня чуть не врезаются ему в спину. С грозным видом наступает на них.

Писатель. Оставьте вы меня в покое на один-единственный вечер?

Герой (не думая пугаться его гнева). Ну что тебе, трудно, что ли?

Писатель возводит глаза к небу и в показном изнеможении валится на диван.

Писатель. Трудно! Он еще спрашивает! Да, знаешь ли, не легко! Придумываешь мир – все в нем понятно. Но потом – бац (шлепает по колену рукой) – он начинает ускользать от тебя. Разрастаться. В нем появляются какие-то взаимосвязи, о которых ты и представления не имел. И не дай бог их вовремя не заметить, не учесть – получится ужасная мешанина и неразбериха!

Герой и Героиня скептически переглядываются.

По-вашему как – придумал и на этом успокоился? Так, по-вашему, появляются книги? Нет, дорогие мои, книги – штука тяжелая. А написать? А вычитать-перевычитать? И это еще только полдела! Главное – превратить в единое целое, увязать одно с другим, лишнее и ненужное убрать... Сколько, думаете, на это нужно времени? Месяца четыре? А восемь лет не хотите ли?!

Героиня (Герою, шепотом). Один свой роман он писал восемь лет.

Герой. Да мне бы не нужно такой уж законченной книги, хватило бы подходящего придуманного мира...

Писатель. Честное слово, иногда хочется делать что-нибудь... какие-нибудь скворечники для птиц! Лепить глиняные копилки! Лишь бы писаниной не заниматься. (Продолжает уже без всякой патетики). Хотя... наверное, это через неделю надоело бы мне. Нет, я уважаю людей, которые мастерят разные хорошие вещи. Это честнее, да и полезнее, чем протирать стул в каком-нибудь офисе. Но сам я приспособлен только к сочинительской работе, тоже по-своему бесполезной.

Герой (Героине, кивая на Писателя). Ударился в философствования. (Писателю). Может, все-таки придумаешь для меня...

Писатель (морщится и сжимает кулаки). Я сто раз повторил, что устал, и сегодня не смогу придумать ничего! У меня голова кругом идет!

Герой (с кислым выражением лица). Видимо, так и есть. (Ехидно). Или все *еще* серьезнее, если ты разговариваешь с нами, хотя нас нет.

Писатель. Тебе вообще не будет никакого мира, ни подходящего, ни неподходящего! Ты ненужный персонаж, ты придумался случайно! Ни для одной книги не годишься!

Героиня. А я – нужный персонаж! И даже главный. И если ты не напишешь для меня сцену объяснения в любви, если не придумаешь того, *кто* мне объясняется в любви – не сможешь дописать книгу!

Писатель (ворчливо). Подождете. И ты, и книга, и тот, кто объясняется. У меня желудок разболелся. В таком состоянии о сценах объяснения в любви я думать не могу.

Герой. А я не могу в двадцать первом веке разгуливать по городу с мечом!

Писатель. Тебя все равно никто кроме меня не видит!

Героиня. А мне не нравится этот комбинезон. Дурацкий и неудобный.

Писатель. На твоей планете носят именно *такие* комбинезоны!

Герой (Героине, шепотом). Знаешь, как все это называется? Он исписался.

Писатель слышит реплику, встает с дивана и надвигается на Героя.

Писатель. Исписался, значит?! А может, мне тебя немножко переделать, а? (На экране появляются сначала монстры из голливудских фильмов, потом смешные и нелепые персонажи – мужчины, переодетые женщинами, клоуны). Еще пожалеешь, что на меч жаловался!

На Героя эта яростная вспышка впечатления не производит.

Герой. Ну вот, разошелся.

Экран гаснет.

Писатель (тяжело дыша). Все, с меня хватит. Я иду на улицу, мне нужен свежий воздух.

Почти бегом выскакивает из квартиры. Герой и Героиня понимающе переглядываются и следуют за ним.

Городская улица.

Герои идут за Писателем, иногда обгоняют его и шагают впереди. Встречные прохожие их не замечают.

Герой выхватывает из ножен меч и принимается размахивать им в опасной близости от прохожих. Писатель делает Герою знаки, чтобы он прекратил, одновременно стараясь, чтобы этих знаков не заметили прохожие. Вытаращивает глаза, супит брови, исподтишка грозит кулаком. Некоторые пешеходы видят эти гримасы и то, что адресованы они пустому для них, пешеходов месту. Бросают на писателя удивленно-насмешливые взгляды. Писатель пытается сделать «непроницаемое» лицо. Герой издевательски ухмыляется. Героиня хмыкает, прикрыв рот ладонью.

Герой. Чего ты испугался? Меня же нет, я выдуманный. Даже если кого-нибудь проткну насквозь, вреда не будет. Меча ведь тоже нет.

Писатель изо всех сил старается игнорировать его слова. Если обратит на них внимание, прохожие заметят, что он разговаривает с «пустотой».

По дороге попадается открытый прилавок с книгами. Писатель подходит к нему не столько из интереса, сколько чтобы отвлечься и не вступить невзначай в перепалку с Героем и Героиней. Его спутники тоже приближаются к прилавку. Герой берет в руки книгу, листает. Писатель от него сторонится. Продавец книг не замечает ничего необычного. Обращается к Писателю.

Продавец. Вам что-нибудь подсказать?

Писатель. Нет, спасибо. Я просто посмо... (Замолкает на полуслове, его внимание привлекла одна из книг – небольшого формата, чуть потолще брошюры. Поспешно берет ее). Что это такое?

Продавец смотрит, что он взял.

Продавец. А, у этой книги не такая история, как у всех других, которые тут продаются.

Писатель. Подождите с историей. Почему она так называется?

Продавец. Ну, это можно спросить у автора.

Писатель. Спросить? Вы что, знаете этого... (смотрит на обложку). То есть, эту...

Продавец. Да, это одна знакомая девушка. Как раз в это время, после работы, она часто здесь бывает, подходит поздороваться.

Писатель. Знакомая? (С оттенком презрения). Значит, какое-то местное дарование? Наверняка издалась за собственный счет.

Продавец. Не совсем. Говорю же, тут целая история. Можете сами у нее поинтересоваться – смотрите, вон она идет.

У прилавка останавливается Полина.

Полина (Продавцу). Привет.

Продавец. Здравствуй, Полина.

Писатель. Извините, что вмешиваюсь.... (Полине). Вы автор этой книги? (Встряхивает книгой в воздухе).

Полина. (Спокойно, без гордости, но и без стеснения). Да.

Писатель (Стараясь сдерживать какие-то сильные и малоприятные эмоции). У меня к вам вопрос. Только... (оглядывается) здесь нам будет не очень удобно разговаривать. Сколько это... (смотрит на ценник). Вот, возьмите (протягивает деньги продавцу. Полине). Отойдемте немного...

Полина не понимает, что именно взволновало этого человека. Но она не так удивлена происходящим, как должна бы. Смотрит на Писателя заинтересованно, идет рядом с ним по улице.

Герой и Героиня нагоняют Полину и Писателя. Полина оборачивается и с улыбкой кивает им. Писатель, заметив это, потрясенно переводит взгляд с Полины на Героев.

Писатель. Вы что, видите их?

Полина (с улыбкой). Конечно, вижу. (Герою). Ваш меч – японский, да?

Герой. Скорее всего. Хотя при моем европейском костюме это странно. Но вы же понимаете – не я в этом виноват.

Полина (Героине). А по вашему комбинезону видно, что вы не с Земли.

Героиня. С планеты Линаэн. Это в Магеллановом Облаке. Малом.

Писатель (оглядываясь вокруг, испуганным шепотом). Сейчас же перестаньте с ними разговаривать! Вы что, не понимаете...

Полина (спохватившись). А, ну да. Я иногда забываю подумать о том, что подумают обо мне другие. Ладно, не буду больше. (Герою и Героине, тихо). Вы уж извините.

Герои в ответ кивают – они не обидятся, все в порядке.

(Писателю). Я понимаю: это – ваши персонажи. Вы писатель.

Писатель. Как странно, что вы их видите... (Он все еще потрясен этим обстоятельством, но его явно волнует и что-то другое, о чем он внезапно вспомнил. Но говорит с Полиной он теперь не с той сдержанно-раздраженной интонацией, как в начале, а немного удивленно). Но я все-таки должен спросить у вас одну вещь. (Останавливаются у входа в парк. За оградой видны аллеи и скамейки). Пойдемте присядем и поговорим.

Аллея парка.

Писатель и Полина сидят на скамейке. Герой и Героиня – на этой же скамейке, по сторонам от них.

Писатель (откашливается, старается полностью вернуться мыслями к началу – и причине – их знакомства. Книга Полины у него в руках). Значит, вы написали эту книгу.

Полина. Да, я ведь уже говорила.

Писатель. Она называется «Песни звездочетов».

Полина. Ну да.

Писатель. А теперь объясните, зачем вы украли у меня это название.

Полина (непонимающе). Украла?..

Писатель. Так называется книга, которую написал один мой персонаж. Герой другой книги...

Полина. Подождите. «Песни звездочетов» – это не ваша книга, а его...

Писатель. Да. То есть, нет. То есть, понятное дело, моя – это же я ее придумал. Ее написал автор, придуманный мной. Ее содержания я не описывал, поэтому не могу сказать, что вы украли у меня все. Только название. Я, так уж и быть, не стану поднимать из-за этого шум и навлекать на вас всякие неприятности. Не настолько я мелочный. И на вашу молодость скидку сделать могу. Но все же плагиат – не лучший путь для начинающего автора.

Полина (расстроено). Да, жалко, что название оказалось не мое.

Писатель. Что значит – жалко? Сначала списываете, а теперь – жалко!

Полина. Я не списывала. И не воровала. Конечно, на вашем месте я подумала бы точно так же, поэтому на обвинения не обижаюсь. Но истории, в которой герой написал бы книгу с таким названием, я не читала. Я люблю читать, да и вообще, человек, который сам что-то сочиняет, просто обязан много читать. Но ваши книги мне пока читать не приходилось. (Опережая вопрос Писателя). Я вас узнала, видела на фото в статьях о литературе.

Писатель. Хотите сказать, это название пришло в *вашу* голову?

Полина. Так и было.

Писатель. Хотите, чтобы я поверил в совпадения?

Полина (пожимает плечами). Можете не верить. Но от этого ничего не изменится.

Писатель. Ну и дела... Когда вы написали эту книгу?

Полина. Стихи и рассказы – разного времени. Но для издания вместе я их собрала полгода назад. Тогда же придумала название. Посмотрите, в книжке есть дата выхода.

Писатель (не смотрит. Задумчиво). Примерно в то же время вышла и моя книга. Нет, я никогда не верил в странные совпадения.

Полина. Может, это не совпадение? Может... наши миры находятся где-то неподалеку? Миры, которые мы придумываем. Или из которых *приходит* то, что мы придумываем. Раз я вижу ваших персонажей (указывает взглядом на Героя и Героиню) – это, наверное, что-то да значит? Кстати, можно о них побольше узнать?

Писатель. Она – для романа, который сейчас пишу, а он... ни для чего. Лишний персонаж. Я случайно его придумал, а подходящей истории, куда бы его поместить, нет. Теперь вот все время таскается за мной и требует для себя мир. А мне не до него, с этим недописанным романом заминка.

Герой и Героиня недовольно косятся на Писателя.

Полина (кивает с серьезным видом). Понимаю.

Писатель. А теперь *вы* мне расскажите. Продавец сказал, у этой вашей книги какая-то особенная история.

Полина. Да не то чтобы особенная... Я выиграла один конкурс.

Писатель. Что за конкурс?

Полина. Благотворительных проектов. Конкурсантам, которые предложат лучшие проекты, давали деньги на их выполнение. Суть не в том, чтобы просто взять эти деньги и передать на какую-то благотворительность, понимаете? Нужно было сделать на них что-то еще, а потом уж вырученные средства использовать на полезные цели. Я придумала на всю сумму гранта напечатать книжки. Продавец, к которому вы подходили, мой друг, помогает их продавать, и ничего себе за это не берет. Когда продается весь тираж, деньги поделю напополам, и одну половину перечислю на лечение больных тяжелыми болезнями детей, а вторую в приют для бездомных животных. Сумма должна выйти

примерно на половину больше, чем то, что потрачено на издание книг. Получится немного помочь детям и зверям, ну, и еще люди смогут почитать рассказы и стихи.

Писатель (кивает). Хорошо, что книжка стоит не очень дорого, но хорошо и то, что вы не придумали раздавать ее бесплатно. Люди невысоко ценят достаемое даром.

Полина. И тогда не удалось бы собрать деньги для приюта и детей.

Писатель. Я решил сначала, вы из этих дураков, которые печатаются за свой счет.

Полина. Просто так, не ради полезной цели, я не стала бы за собственный счет издавать книгу.

Писатель (после паузы, думая вслух). Миры неподалеку... (Поднимается со скамейки, расхаживает по аллее). Никогда о таком не думал. Надо же... да, об этом стоит поразмышлять.

Полина остается сидеть на скамейке, заговаривает о чем-то с Героем и Героиней. На аллее появляется прохожий, Писатель делает знак Полине, чтобы она молчала и не говорила с «пустотой». Полина переживает, пока прохожий скроется из вида, и возобновляет разговор с Героями. Писатель на ходу начинает листать «Песни звездочетов». Увлекается так, что не замечает приближения следующего пешехода. Полина забывает о предупреждении и не прерывает беседы. Прохожий, прошагав мимо скамейки, оглядывается на странную пару: девушку, которая говорит сама с собой и пожилого человека, читающего на ходу книгу.

Писатель переворачивает страницу за страницей. Удивление на его лице сменяется недоверием. Он останавливается, смотрит на Полину, потом опять в книгу – и так несколько раз. Ему трудно поверить, что эта девушка автор прочитанного им. Полина поначалу продолжает разговаривать с Героями. Но в какой-то момент, когда Писатель в очередной раз переводит глаза на нее, оказывается стоящей на скамейке в профиль к Писателю. Ее взгляд устремлен вверх, с лицом произошла перемена. В его выражении не остается ничего по-молодому беззаботного, проявляется необыкновенная одухотворенность, возможно, даже грозная. На экране – картины войн, тюремные решетки, охотники, из автоматов расстреливающие загнанных диких животных, здания горных монастырей и храмов, Земля, уменьшающаяся на фоне космической темноты – такой ее можно было бы увидеть, находясь на борту движущегося с большой скоростью космического корабля. В завершении Земля превращается в светящуюся точку – одну из многих в галактической россыпи.

Писатель еще раз смотрит на книжные строчки, а когда снова взглядывает на Полину, та, как ни в чем не бывало, сидит между Героем и Героиней и беседует с ними. Писатель качает головой, все еще не веря своим глазам и мыслям, потом закрывает книгу, возвращается к скамейке и садится на прежнее место рядом с Полиной, потеснив Героя. Он хочет продолжить разговор, но не находит нужных слов.

Полина. Жаль, что так вышло с этим названием. Вам не очень-то приятно.

Писатель. Знаете... «Песни звездочетов» из моего романа вполне могли бы быть такой книгой как ваша.

Полина. Думаю, вам бы все-таки хотелось, чтобы томик был потолще и повнушительнее. Здесь только стихи и несколько рассказов. Повести и романы, конечно, включить не удалось.

Писатель. А у вас есть романы и повести?

Полина. Да. Но вряд ли их получится напечатать. Из издательств мне отвечают, что они не подходят под формат.

Писатель нервничает, ожидая, как бы Полина не обратилась к нему с «неудобной» просьбой – чтобы он замолвил за нее слово в издательстве, где сам печатается. Но Полина заговаривает о другом.

Полина. Да, я очень хочу издать хотя бы одну книжку. И еще – найти новую работу, моя нынешняя мне не нравится. Но у меня есть еще другая мечта. И если бы можно было выбирать – пусть бы лучше исполнилась она.

Писатель. Можно узнать, что это за мечта?

Полина (ровным голосом, без лишней восторженности, как человек, трезво оценивающей ситуацию). Это глупо прозвучит – хотя само по себе такое вступление уже звучит глупо. Но вы, может, и поймете, вы же писатель. Я бы хотела, чтобы люди не были жестокими друг к другу. В мире и так происходит много жестоких вещей – тяжелые болезни, например, или разные стихийные бедствия. Сами по себе эти

вещи не жестокие, но то, как они влияют на нашу жизнь, бывает жестоко. Так зачем нам еще увеличивать жестокость своими поступками? Но это несбыточная мечта. Тут ничего нельзя поделать. Вот вы, писатель, верите, что словами можно... нет, не изменить людей – показать им, что есть шанс измениться к лучшему?

Писатель явно смущен вопросом, он давно, с молодых лет не задумывался ни о чем подобном.

Писатель. Ну... не исключено...

Полина. Слова создают миры, в них есть сила – но вместе с тем слова очень слабы.

Писатель. Да, наверное. Часто бывает, что хочешь сказать одно – а тебя понимают совершенно иначе.

Полина. А как вы думаете, авторам в книгах стоит говорить только о добром и хорошем? Не получится осудить жестокость, не описав ее. Но тогда выходит, что этим описанием еще ее увеличиваешь... Да и осуждение само по себе – вещь не самая лучшая. С другой стороны, одни положительные примеры – это, может, слишком уж сладко? Красивая ложь? Но вот что: если мы действительно станем добрее друг к другу, то, что сейчас кажется красивой ложью, превратится в правду.

Писатель (растерянно, с заминкой). Знаете, молодой девушке... то есть, в вашем возрасте... не надо бы таких мыслей.

Полина смотрит на Писателя с укоризненной улыбкой, и тот пристыжено замолкает. Он понимает, что пытается сказать нечто избитое, что в этом случае неуместно. Пытается привести «общепринятые» доводы неординарному человеку.

Полина. Я часто это слышу – ну какая девушка станет думать о таком? Или – в молодости нужно думать не о том... Что же, обязательно надо родиться человеком другого пола или состариться, чтобы думать? Но, может, все эти люди и правы. Может, я какая-то не такая... Когда в книгах я говорю о доброте и сострадании – мне кажется, это важные вещи. Но раз мне отрицательно отвечают из издательств, значит, они там считают, это вовсе не важно и писать следует о другом. Волей-неволей начинаешь думать, что твоя голова устроена не как у всех. А вы с таким не сталкивались?

Писатель. Ну, когда-то давно...

Полина. Вообще, у меня есть еще одна мечта. Четвертая по счету, получается? Я ничего не умею, кроме слов, а словами наш мир лучше не сделаешь. Это грустно. Поэтому иногда мне хочется заснуть, и проснуться где-то не здесь, а в другом мире. В таком, где люди никогда не бывают жестокими друг к другу. То есть, это даже не мечта... Мне кажется, однажды это произойдет: вечером я лягу спать тут, а утром проснусь в другом мире, который выдумала сама.

Писатель качает головой, удивляясь такой странной фантазии.

Послушайте, вы сказали, что этот ваш персонаж (указывает на Героя) – ненужный?

Писатель. Да. Совершенно некуда его девать.

Полина. Может, тогда вы разрешите поселить его в один мир, который я недавно придумала? (Герою). Вы бы согласились поселиться в моем мире?

Герой. Еще бы! Нечего у него (кивает на Писателя) и разрешения спрашивать.

Писатель (бросает косой взгляд на Героя, но ничего ему не говорит. Полине). Если вы это сделаете, я только спасибо скажу. А то так и будет везде за мной ходить и надоедать.

Полина поднимается со скамейки, берет Героя за руку и отводит в сторону. На экране виден берег моря. Полина и Герой глядят на экран, Писатель и Героиня тоже пытаются рассмотреть, что там. Для этого им приходится подняться со скамейки и встать рядом с Полиной и Героем. Берег приближается, смотрящие как бы подплывают к нему на корабле. Полина и Герой, держась за руки, делают шаг вперед, Писатель и Героиня остаются за их спинами.

Полина. Смотрите (указывает на экран, где появляется то, о чем она говорит). Это страна между морем и высокими горами. Там есть большие портовые города и города-крепости, замки с высокими башнями, широкие улицы и площади, посреди которых бьют фонтаны. А еще храмы и монастыри, где монахи изучают боевые искусства. Но не ради того, чтобы воевать, а чтобы совершенствоваться и познавать человеческую природу и все вокруг...

Герой. Это мне нравится. С удовольствием буду жить в таком мире.

Полина. Тогда – счастливого пути.

Выпускает руку Героя. Вымышленный мир на мгновение смешивается с настоящим: на экране – горный склон с выстроенным на нем высоким зданием, и в парке, прямо между скамеек и деревьев, появляются скалистые уступы – продолжение этой картины. Герой делает шаг вперед, потом еще один – и исчезает за выступом скалы. А через секунду-другую его удаляющаяся фигура возникает на экране – он взбирается по тропинке, ведущей к воротам монастыря.

Полина (кивает, глядя ему вслед). Его там хорошо примут. Он настоящий мастер – в совершенстве владеет мечом, но не гордится своим мастерством и не станет применять его для злых целей.

Экран гаснет. Писатель и Героиня отрывают от него взгляды. Писатель старается не выглядеть слишком уж восхищенным, Героиня улыбается. Скалы исчезают, парк снова становится обычным городским парком. Делается темнее – приближается вечер.

Полина (поворачивается к Писателю и Героине). Мне надо идти домой. (Писателю). Извините еще раз, что так получилось с названием книги. (Обоим). До свидания.

Писатель и Героиня (почти одновременно). До свидания.

Полина уходит.

Героиня. Ну вот, этому парню с мечом, которому ты даже имя придумать не удосужился, повезло.

Писатель. Подожди возмущаться, и с тобой все уладим. Я как будто настроился на нужный лад.

Героиня (несколько ехидно). Что, желудок больше не болит?

Писатель (решает не замечать колкости). Не подумай, что я мог настроиться на романтический лад из-за девчонки, которая годится мне в дочери...

Героиня. Если не во внучки.

Писатель (снова пропускает замечание мимо ушей). Да еще такой вздорной, у которой в голове бог знает что. Но я, пожалуй, смогу теперь написать эту твою сцену объяснения в любви. Сегодня же.

Спохватившись, Писатель оглядывается – не видят ли прохожие, что он разговаривает с «пустотой». Но поблизости никого нет.

Писатель и Героиня уходят.

Сумерки. Полина идет по парку, направляясь домой. Из-за деревьев выбегает грабитель и хватается сумку, которая висит у Полины на плече. Скорее от неожиданности, чем намеренно Полина крепко вцепляется в сумку. Грабитель не отстает и тянет сумку к себе.

Грабитель. А ну отдай, дура!

Бьет Полину по лицу, сильно толкает, и все-таки вырывает сумку. Полина падает. Грабитель убегает. Когда Полина поднимается, рядом никого нет.

С минуту она стоит в растерянности, испуганно оглядывается, как бы опасаясь какой-нибудь новой угрозы. Шарит в кармане и вытаскивает ключ от квартиры – он был не в сумке. Медленно делает шаг, другой, потом шагает быстрее, торопясь попасть домой.

Квартира Полины.

Полина, одетая в ночную рубашку, стоит перед зеркалом и разглядывает синяк на ушибленной щеке.

Полина. Мир, в котором люди не бывают жестокими друг к другу... (Мрачно усмехается, трет щеку. На экране появляются черные разводы, они ширятся, превращаются в пятна, и в конце концов – в одно огромное пятно, заливающее экран чернотой). Ударить человека – это пустяк. Это ничего не значит. Это очень просто и легко, и происходит постоянно, повсюду. И не только это. Случаются вещи и пострашнее. Гораздо страшнее. Мир, в котором люди...

Бредет к кровати и ложится на бок, подтягивает колени к подбородку.

Темнота. Ночь.

Квартира писателя.

Утро. Писатель заваривает чай, помешивает в чашке ложкой. Пьет, ставит чашку на стол.

Писатель. Да, ее книги действительно никогда не напечатают, это она правильно поняла. Она пишет о слишком серьезных вещах и слишком необычно. У молодого, никому не известного автора такие книги не возьмут. Если он попытается предлагать их издательствам сам... Но если ему кто-то поможет... (В досаде ударяет ладонью по колену). Ах я, трус! Она не попросила, а я и рад не предложить помощи. (Ворчливо). Ну да, зачем нужно лишнее беспокойство, зачем брать на себя какие-то обязательства! А ведь с моей поддержкой у нее появился бы шанс. Нет, стыдно так малодушничать. Я ее найду. (Смотрит на часы). Уже десять часов, наверное, тот продавец начал торговлю.

Улица города, возле прилавка с книгами.

Писатель подходит к прилавку, за которым стоит продавец.

Писатель. Доброе утро.

Продавец. Здравствуйте.

Писатель. Не могли бы вы мне сказать, где найти эту девушку, которую я вчера тут встретил, Полина? Мне понравилось, как она пишет...

Продавец. Мне тоже нравится. Она молодец.

Писатель. Я сам пишу книги, и хотел бы предложить ей сотрудничать.

Продавец. Правда? Это интересно. Полина обрадуется. Найти ее проще простого: рекламная фирма, где она работает, на соседней улице. Повернете туда (указывает направление) и сразу увидите, такое трехэтажное здание из красного кирпича. Офис на первом этаже, фирма называется «Компас».

Писатель. Большое спасибо (собирается идти, но спохватывается). Да, сколько еще не распродано ее книг?

Продавец (заглядывает под прилавок). Девять штук.

Писатель (достаёт из кармана кошелек). Я покупаю все.

Продавец (неодобрительно качает головой). Ей это не понравится. То есть, я болтать не буду – но не понравилось бы. Что все книги попадут к одному человеку. Она хочет, чтобы их прочло побольше людей.

Писатель. Я подарю их своим друзьям. Это все равно как если бы они сами купили.

Продавец. Ну ладно.

Писатель. побыстрее, пожалуйста.

Продавец складывает стопкой книги, берет у писателя деньги.

Продавец. Вы торопитесь? И, кажется, взволнованы. Вы точно хотите поговорить с Полиной о совместной работе? Больше ничего не случилось?

Писатель хватается книги и замирает на мгновение, сам удивляясь. Действительно, почему он обеспокоен?

Писатель (с запинкой). Н-нет... Не знаю. До свидания.

Уходит так поспешно, что продавец не успевает попрощаться, только удивленно смотрит ему вслед.

Офис.

Писатель обращается к начальнику отдела.

Писатель. Здравствуйте. Могу я увидеть одну вашу сотрудницу, Полину?

Начальник. Нет, не можете. Потому что сегодня она не явилась и до сих пор не позвонила, не потрудилась сообщить, в чем дело. Очень безответственный работник.

Писатель. А можно узнать ее телефон? У меня к ней важное дело... (соображает, что сказать). По поводу издания книг. (Встряхивает в воздухе стопкой только что купленных книжек).

Начальник. Каких книг?

Писатель. Ее книг. То есть, однажды они уже изданы... А я должен обсудить с Полиной второе издание.

Начальник. Так и думал. Уверен был, что она занимается какими-то посторонними делами. Книги, надо же. Это ведь отвлекает от работы. Но... (присматривается к представительной фигуре Писателя) если это так уж важно, я дам вам ее номер. В бухгалтерии есть номера всех сотрудников.

Выходит и возвращается с листом бумаги, который подает Писателю.

Писатель. Спасибо.

Выходит из офиса. Набирает на сотовом номер, но ему никто не отвечает. Сокрушенно качает головой.

Значит, так и есть. Этого я и опасался. Четвертая мечта...

Другой мир.

Полина сидит на кровати, закутавшись в простыню. Синяка на ее щеке нет. На экране – широкая река. Вокруг кровати – вода.

Полина. Странно, что я оказалась в воде. Но это не так уж плохо, из кровати получился вполне надежный плот. Правда, из одежды у меня только ночная рубашка и простыня. Но зато (опускает руку в воду) умылась, не вставая. И жажда не грозит, вода чистая. А насчет голода – если это то, о чем я думаю, если это мой мир, мой настоящий мир, он не будет ко мне жестоким. Скоро меня вынесет на берег, и там я найду, что поесть. (На экране берег приближается. Становится заметно, что вдоль воды тянется песчаная полоса, дальше виднеются деревья, между ними вьется тропинка. У горизонта можно различить горы). Ну вот... (Полина привстает на коленях и всматривается). О, хорошо, что тут горы, я люблю горы. И очень может быть, встречу там кое-кого знакомого... и не одного. Если это действительно мой мир – я встречу много знакомых. Да, здесь мне будет хорошо. Жаль только, теперь не смогу даже попытаться сделать немного лучше тот, другой мир... Но у меня все равно не хватило бы на это сил.

Улица города.

Писатель медленно шагает, держа книги Полины подмышкой. Взгляд его задумчивый и грустный.

Писатель. Вернуться и спросить адрес? Но это ведь бесполезно, я точно знаю. Ну почему вчера я не предложил ей работать вместе? А теперь поздно... (Останавливается, обрадованный какой-то внезапной мыслью). Но что она говорила? Наши миры где-то неподалеку? Значит, есть надежда, что мы еще встретимся?

Занавес.